

использования комплекса герменевтических и лингвистических процедур при анализе результатов интеракции.

В целом научные результаты, содержащиеся в монографии, представляют большой интерес как в общетеоретическом, так и в практическом плане. Работа отражает современный уровень исследований в данной области и, несомненно, послужит основой для дальнейшего научного поиска. Сведения, содержащиеся во всех разделах монографии, могут быть использованы в преподавании различных гуманитарных дисциплин, таких как "Теория межкультурной коммуникации", "Теория перевода", Литературоведение" и др. Следует также отметить высокое качество полиграфического исполнения издания и хорошее художественное оформление обложки. К сожалению, невелик тираж — всего 500 экземпляров.

Несомненно, книга найдет своего благодарного читателя и поможет ему лучше ориентироваться в такой сложной, многоаспектной и чрезвычайно актуальной области гуманитарного знания, как внутрикультурная и межкультурная коммуникация.

Г. Т. Поленова

Корниенко Н. В. "Сказано русским языком..." Андрей Платонов и Михаил Шолохов: Встречи в русской литературе. — М.: ИМЛИ РАН, 2003. — 536 с.

Корниенко Н. Читатели и нечитатели Михаила Шолохова: Опыт комментария. — Воронеж: Центр.-Черноз. кн. изд-во, 2004. — 185 с.

История литературы в распространенном мнении чаще всего предстает как история писателей. "Книгоцентричность" такой точки зрения давнего происхождения. Ее суть заключается в том, что литература — это особая реальность, создаваемая людьми, бытовая жизнь которых никак не соотносима с их "творческим поведением" (М. Пришвин). А потому художественная реальность всегда условность, немного игра, всегда новая реальность.

Фигура читателя активно введена в современные дискурсивные рассуждения и составляет, кажется, незыблемый триумвират автор—произведение—читатель с заранее определенными полями влияния. В XX веке эту цепочку разомкнула фигура критика-истолкователя, общественного цензора и "понукальщика", нередко встававшего не только между произведением и читателем, но даже между автором и произведением. При этом исследова-

тельская лаборатория всегда сокрыта от читателя, а текст критика нередко подменяется анализируемым. Однако любое произведение рождается в тех или иных жизненных обстоятельствах, несет на себе печать авторских "сомнений", перекликается с событиями своей современности. Н. В. Корниенко пытается приоткрыть лабораторию историка литературы в двух рецензируемых книгах, связанных между собой и материалом (воронежское издание целиком повторяет московское, на него я и ссылаюсь в тексте рецензии), и концепцией. Позиция исследователя сформулирована вполне определенно — это исповедовавшаяся русской классикой позиция "уважения жизни читателя, без которой не понять очень многого в русской литературе ушедшего века" (с. 334. Курсив здесь и далее в цитатах принадлежит Н. В. Корниенко. — Т. Н.).

Предлагая своему читателю по-новому посмотреть на литературу теперь уже далеких 1920–1930-х годов, исследователь стремится не только к доказательному анализу художественных текстов, но и стремится ввести читателя в тот реальный контекст, в котором произведение воспринималось современниками. Для этого она в рецензируемых исследованиях воспроизводит исторические свидетельства — письма читателей к автору "Тихого Дона" периода публикации романа и песенник первых советских лет, тексты которого должны были заместить народную песню.

Задача этого материала, нетипичного для литературоведческих штудий, не иллюстративная, обращенная к текстам М. Шолохова, А. Платонова или к тексту "Интернационала". Он говорит не только о ситуации в культуре 1920–1930-х годов, но и о позиции критика, вносившего свою лепту в создание "нужного" образа. Возможно, это и объясняет, почему "... никогда, пожалуй, профессиональный критик не становился в русской литературе столь эстетически негативным персонажем, каким он предстал в оценках Блока и Бунина, Зощенко и Цветаевой, Булгакова и Набокова, Есенина и Г. Иванова, Кузмина и Поплавского, Шолохова и Белого, Маяковского и Ходасевича, Платонова и Газданова, Мандельштама и Клюева..." (с. 334). Но не о них, "искушенных читателях", идет речь в книге Н. В. Корниенко. Ее исследование "выросло на пересечении острейших методологических вопросов изучения русской литературы советского периода (периодизация, язык, читатель) и ее текстологии. История текста, как известно, порой открывает темы, мимо которых традиционно проходит концептуальное литературоведение" (с. 13).

Одной из таковых является для Н. В. Корниенко тема "неискушенного читателя", мнение которого стало для исследовате-

ля "во многом определяющим — в анализе книжно-читательской ситуации, как она *реально* складывалась в 1920-е и 1930-е годы": (с. 333). Это принципиальная позиция историка литературы, крупного современного текстолога, выводы которого базируются на строгой фактической основе. Разговор о "неискушенном читателе" не носит в монографии частного, локального характера: "В последнее десятилетие утверждения, что именно массовый "неискушенный читатель" ответственен за все грехи советской литературы, стали чуть ли не аксиомой. Это большая неправда о читателе 1920–1930-х, нужная во многом для обоснования некоей "новой" линии российской литературы, в отличие от советской литературы, якобы автономной в своем существовании и независимой от массового читателя. Но это как раз генетическая линия официальной советской литературы, с ее крайним недоверием к жизни, утверждавшей себя эпицентром мироздания и последних смыслов. <...> Большая русская литература и в самые драматические двадцатые и тридцатые была автономна, но не по отношению к жизни и никогда не забывала о "неискушенном читателе", который, как и она сама, относился к разряду перевоспитуемых" (с. 33). К "неискушенному читателю" книга приходит нечасто, иногда и случайно, но повод ее появления в его жизни всегда нешуточный, самый что ни на есть жизненно важный. Это для него, для его бытийной потребности, написаны лучшие книги XX века.

Н. В. Корниенко возвращает в литературный обиход фигуру читателя из народа, к которому у истинного художника не может быть снисходительного отношения, ибо этот герой и есть народ. Автор одной из великих книг XX века А. Твардовский, создавая своего Василия Теркина, отказался "от традиции давних времен, когда поэтическое слово, обращенное к массам, было нарочито упрощенным применительно к иному культурному и политическому уровню читателя и когда еще это слово не было одновременно самозаветнейшим словом для его творцов, полагавших свой истинный успех, видевших свое настоящее искусство в другом, отложенном на время "настоящем" творчестве" ("Как был написан «Василий Теркин»"). Нет, "Книга про бойца" свидетельствовала о моменте счастливого единения автора и читателя, между которыми не стоял ни критик-"понукальщик", ни социальные или политические лозунги. И читатель поэмы А. Твардовского был действительно "неискушенным" в вопросах художества, но зато отлично чувствовал "уважение жизни читателя", что отметила Н. В. Корниенко, отказавшись от привыч-

ного термина "массовый" или "народный" читатель. Ей важно было подчеркнуть отсутствие какой-либо дистанции между автором и героем в плане "учительности", понимания или истолкования политических лозунгов. Теркина не надо учить защищать Родину. И о его жизни на войне читал такой же солдат-окопник, ориентируясь на восприятие которого А. Твардовский писал, "сочинял" своего Теркина. Мне это обстоятельство кажется важным, в плане изложения концепции Н. В. Корниенко, подтверждения ее правоты: читатель может быть таким, каков он есть, жить той жизнью, которая ему выпала или которую он сам выбрал. И герой, и "неискушенный читатель" для Н. В. Корниенко "подтверждают бездну между классическим и новым веком, органической народной культурой и светской" (с. 317). Героями ее исследования стали художники, для которых "самозаветнейшее слово" совпадало с читательским, для которых все написанное было единственным, "настоящим", не делимым на сорта.

В заглавие монографии вынесены имена А. Платонова и М. Шолохова, сближенные на основании фактов их биографий (см. с. 8, 14-30) и встреч "в метафизическом пространстве большой литературы" (с. 14). Но наблюдения Н. В. Корниенко репрезентативны и для широкого исследовательского поля. Свою концепцию она разворачивает, опираясь на фронтальное изучение литературного процесса первых двух десятилетий XX века, стремясь очертить (насколько это возможно в принципе) круг проблем, которыми жили "рядовой народ" (А. Платонов), художественная интеллигенция тех лет. Не отказываясь от рассмотрения внутрицеховых литературных проблем, она отдает предпочтение голосам живой народной жизни. Просеивавшийся сквозь решёта идеологии, этот живой материал оседал в архивах. Сегодня он заговорил в книге Н. В. Корниенко, позволив существенно откорректировать привычные представления о русской литературе начального советского периода. Для нее понятие "нелитературность" лишено снижающего смысла, его синоним в этой ситуации – "верность правде жизни". Таким "нелитературным" свидетельством стал для Натальи Васильевны исследовательский сюжет, героем которого является гармошка, сюжет, выполненный, как, впрочем, и вся монография, очень лично и убедительно. Он абсолютно нов и интересен открываемыми перспективами. Многое подскажут читателю наблюдения ученого над деформацией текста "Интернационала", само присутствие которого в общественной жизни создавало ситуацию давления идей инонациональных. Песня и частушка, гармони-

ка и тальянка для Н. В. Корниенко — свидетели народной грусти или озорства. И если песня — свидетельница неразрушенной народной души, то тальянка и частушка свидетельствуют об упрощении тех жизненных правил, которые принимает народное сознание, деформируясь под влиянием самой жизни. Не может народ выйти без потерь, в том числе и нравственных, оказавшись распятым между жизнью и смертью.

Надо сказать, что народная песня испытала сильнейшее идеологическое давление, ибо идеологи советского времени хорошо понимали силу песенных интонаций, "духоподъемной" мелодии, которой они полагали воздействовать на "коллективное бессознательное" в нужном направлении. В этом контексте не только смешны сцены хорового пения под руководством Швондера в "Собачем сердце" М. Булгакова. Подобные песенники-идеологи претендовали на замещение того, что было по-настоящему народным, объединяющим. Зато появление принятого народом поэта-песенника М. Исаковского, отмечает Н. В. Корниенко, явилось истинной победой народного сознания, естественной потребностью "неискушенного читателя". Герои М. Исаковского ироничны, иногда лукавы, но никогда не бывают казенно-пафосными. Такой интонации не принял бы "неискушенный читатель", к которому и были обращены песни и стихи поэта. "Рядовой народ" настолько органично принял песенное творчество М. Исаковского, что именно его "Катюша" стала своеобразной эмблемой России в XX веке.

Хочу специально обратить внимание, что Н. В. Корниенко не пишет о литературе сопротивления, избегает сотворения новых мифов. Ею вполне пережито и преодолено одно из фундаментальных заблуждений 1960-х годов, суть которого сводилась к поиску "правильного" социального диагноза, в соответствии с которым или благодаря которому легко и предсказуемо изменится жизнь, освобожденная от власти "отцов-подлецов". С воодушевлением наступая в очередной раз на хорошо знакомые идеологические грабли, шестидесятники, а позже диссиденты строили литературоцентричную картину мира по прежним образцам, отводя себе роль наставника и просветителя "неискушенного читателя". И в этой хорошо знакомой системе рассуждений Григорий Мелехов непременно и в 1930-е, и в 1960-е оказывался героем, имеющим (или не имеющим — это уже зависело от степени либерализма строителя концепции) права на трагедию. В этой же "книгоцентричной" модели особую остроту приобретал вопрос об авторстве "Тихого Дона". На первый план выступала

не история до глубины потрясенного народа, а хорошо знакомая литературоведческая коллизия. По этому поводу Н. В. Корниенко очень точно заметила: "Вопрос об авторстве «Тихого Дона» имеет не текстологический, а политический статус и всегда будет возникать на переломах в жизни нашей «вечной Родины»" (с. 29).

Нет, не случайно главными героями книги Н. В. Корниенко стали А. Платонов и М. Шолохов, "великие поэты и философы русской провинции" (с. 20). Литература выстаивает на глубине, не в официально-казенных произведениях творится история, хотя и их легко со счетов не сбросишь. "Не методические вопросы в этой ситуации представляются главными, а мировоззренческие: утратив религиозное отношение к художественному дару и самой жизни, чаще всего составом книжных полок мы пытаемся объяснить не только появление Платонова" (с. 27).

Н. В. Корниенко не навязывает читателю своих выводов, она старается его убедить. "Мы крайне осторожно делаем выводы и не ставим глобальных вопросов. Наша задача — историко-систематическая и комментаторская, а предмет исследования — реальная история русской литературы первых двух десятилетий советской эпохи" (с. 30). А главное — она стремится избежать замены одной "книгоцентричной", просветительски привлекательной идеи другой, выстроенной по той же схеме, т.е. вне жизненных интересов "неискушенного читателя". Она всматривается в текст, в рукописи, сохранившие бесценные свидетельства "авторских сомнений" (с. 26), следы цензурных помет, штампованных претензий, нередко заменявших в советском литературоведении общественное мнение. Н. В. Корниенко на новом этапе осмысления отечественной литературы предлагает научиться слушать язык народа, его "смех и слезы, любовь и гнев", перечитать заново хорошо знакомые тексты, для того чтобы приблизиться к решению проблем, которые нам оставил XX век. Ее монография — пример новых перспективных подходов к созданию реальной истории русской литературы завершившегося столетия.

Т. А. Никонова

Никонова Т. А. "Новый человек" в русской литературе 1900–1930-х годов: Проективная модель и художественная практика. — Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. — 232 с.

Каковы задачи литературы? Отечественной — всегда были связаны с поиском ответов на вопросы смысла и содержания жизни и смерти, места человека в мире и с выстраиванием идеальной схемы поведения героя, призванной стать образцом для